

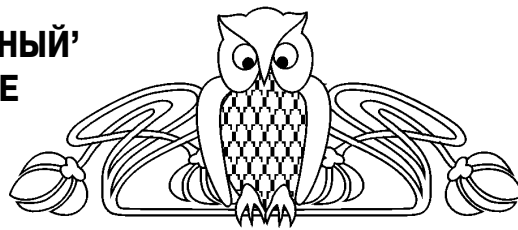

УДК 811.161.1'373.422

ОППОЗИЦИЯ 'ГЛУБОКИЙ – ПОВЕРХНОСТНЫЙ' В ОЦЕНОЧНО-СИМВОЛИЧЕСКОМ РАКУРСЕ

Т. В. Григорьева

Башкирский государственный университет, Уфа
E-mail: tagrig8@mail.ru

В статье представлены результаты семантического исследования аксиологической бинарной оппозиции русского языка 'глубокий – поверхностный', описываются особенности символизации её компонентов. На языковом материале демонстрируется идея о том, что компоненты представленной оппозиции, отображающие явления физической, чувственной сферы, используются в русском языке также и для обозначения сферы гносеологической.

Ключевые слова: оппозиция, аксиологический, метафорический, символическое значение, глубокий, поверхностный.

Evaluative and Symbolic View of the Opposition 'Deep – Superficial'

T. V. Grigoryeva

The article presents the results of the semantic research of the axiological binary opposition of the Russian language 'deep – superficial'; some peculiarities of its components' symbolization are described. Based on the language material the idea is propounded that the opposition components under research reflect the phenomena of the physical, sensuous sphere, and are also employed in denoting the epistemological sphere in the Russian language.

Key words: opposition, axiological, metaphoric, symbolic meaning, deep, superficial.

DOI: 10.18500/1817-7115-2015-15-3-24-28

Представленное исследование посвящено изучению процесса оценочной категоризации параметрических признаков, составляющих оппозицию 'глубокий – поверхностный' в русском языке, и выполнено в рамках лингвокогнитивного подхода, интерпретирующего язык как способность, обусловленную общими когнитивными механизмами¹. Основная цель работы – рассмотреть особенности развития оценочных значений у языковых единиц, вербализующих компоненты оппозиции, и проследить направление их метафоризации. Метафора в данной статье понимается широко – как лингвокогнитивный феномен, как способ понимания фрагмента действительности, закрепленного в его наименовании, что вписывает данное исследование в общий лингвокогнитивный метафорический контекст. Новизна данной работы – в стремлении представить оппозицию как оценочный феномен, показывающий важность определенных признаков для деятельности человека, номинацию которых он использует в качестве оценочной шкалы при интерпретации разных умопостигаемых сфер, передавая вместе с оценкой особенности отражения прототипической для данных признаков ситуации.

Бинарная оппозиция в работе рассматривается как пара противоположных понятий, отражающих явления предметной действительности, их параметры, свойства и используемых языковым сообществом в метафорическом выражении для оценки умопостигаемых сфер жизнедеятельности человека. Оппозиции в литературе характеризуется как универсальное средство познания действительности, лежащее в описании любой картины мира; левая часть оппозиции считается маркированной положительно, правая – отрицательно². Ученые отмечают, что подобные противоположности были свойственны еще мифологическому сознанию: они являлись «осознанно существенными для ритуалов и мифов в архаичных (элементарных) обществах»³. В современном языке они определяют речемыслительную деятельность и составляют сетку координат, помогающих структурировать и сделать более понятным многоликий окружающий мир. Изучение аксиологических особенностей функционирования бинарных оппозиций позволит приблизиться к пониманию сложных процессов оценочной концептуализации.

Для языкового коллектива метафорические оппозиции, например 'горячий – холодный', 'свет – тьма', 'легкий – тяжелый', 'острый – тупой' и другие, являются универсально значимыми единицами. Они выступают в качестве знаков, за которыми стоит особый способ осмысления мира. Это два полюса, посредством которых познается и воспринимается окружающее людей пространство. Такие метафорические диады, показывая отражение чувственного восприятия картины мира, «приложимы к более общим ситуациям», благодаря чему создают многослойность, каждый уровень которой является как бы «семантической историей» оппозиции, сохраняя при этом «лейт-мотив конкретности»⁴.

Главным способом проявления оценочного слоя у рассматриваемых оппозиций является метафора, при которой происходит категориальный сдвиг значения: стандартные для данного предиката категории аргументов замещаются новыми для него, на первый взгляд «неподходящими» – например, для слова *глубокий* вместо 'предмета, имеющего определенный объем' (*бассейн, кувшин*) употребляется 'результат творчества' (*картина, произведение*). Все исследователи метафоры сходятся в том, что этот тип переноса не является произвольным: метафорический образ устойчив и

проявляется не в отдельно взятом контексте, а во многих, потому что языковая метафора отражает более общие – культурные, а иногда и еще более общие – свойственные в целом человеческому сознанию (иначе говоря, когнитивные) параллели⁵.

Ведущим методом исследования, подчиняющим себе все остальные, является анализ сочетаемости языковых репрезентантов оппозиции. Он позволяет «увидеть» значимые свойства оппозиции и понять закономерности появления оценочных значений. Мы опираемся на когнитивный подход к сочетаемости, представленный в работах А. Вежибицкой⁶, Е. В. Рахилиной⁷, Л. О. Чернейко⁸, базирующийся на том, что сочетаемость имен не случайна и не свободна: она отражает некоторые их существенные, глубинные характеристики, связанные с образами конкретных предметов в естественном языке; сочетаемостные характеристики не существуют сами по себе: они «мотивированы содержательными, т. е. семантическими свойствами»⁹.

Материалом для исследования являются языковые единицы, вербализующие оппозицию (основные имена оппозиции, их производные существительные, прилагательные, глаголы, наречия; синонимы, фразеологизмы и сочетания, представляющие главную идею оппозиции), с оценочными переносными значениями, представленными в: а) разных типах словарей – толковых, этимологических, синонимических, антонимических, фразеологических; б) текстах Национального корпуса русского языка.

Противоположность 'глубокий – поверхностный' – доминантная архетипическая бинарная оппозиция, языковые репрезентанты которой относятся к классу имен, описывающих параметрические свойства предметов. Главные языковые единицы оппозиции – качественные прилагательные *глубокий* и *поверхностный*, которые в своем значении содержат информацию об объеме объекта и о процессе его восприятия субъектом. Они рассеивают данную информацию по дериватам, парасемантам и иррадируют ее своим семантическим партнерам, создавая вокруг себя языковое поле оппозиции – «своеобразный контейнер смыслов в языковых означиваниях, связанных между собою отнесенностью к одной ментальной области»¹⁰.

Слова *глубокий* и *поверхностный*, основные имена оппозиции, в научной литературе характеризуют как параметрические прилагательные¹¹, которые описывают свойства объектов окружающего мира (*высокий – низкий, правый – левый* и т. д.), и противопоставляют их экспериенциальным прилагательным, отражающим в своих исходных значениях реакцию человека в результате взаимодействия с объектом (*легкий – тяжелый, острый – тупой, сладкий – горький* и др.)¹². В этих прилагательных по-разному представлена антропоцентричность (участие человека). Параметрические признаки, в отличие от экспериенциальных, можно

наблюдать со стороны, человеку не нужно вступать в контакт, взаимодействовать с предметом, чтобы узнать параметрический признак, но участие человека для описываемых признаков также важно. Ведь для них основополагающими являются шкала и норма, которая определяется по отношению к определенному классу объектов, и определяется именно человеком.

Антропоцентричность определяет и сочетаемостные возможности языковых единиц оппозиции. По мнению Е. В. Рахилиной, проанализировавшей ограничения в сочетаемости «размерных» лексем, в том числе и прилагательного *глубокий*, «в язык «встроена» своя система измерения величины объектов, отличная от той, которую человек тщательно отработал в занятиях физикой и геометрией и зафиксировал... в лучших толковых словарях»: представление носителя языка о нормативных размерах возникает в связи с той функцией, которую имеет предмет в жизни человека, с процедурой использования его человеком. Так, прилагательное *глубокий* связано с формой объекта: *глубокий* сочетается почти исключительно с именами емкостей постоянной формы, куда что-то кладут или откуда вынимают/вычерпывают (ср. *колодец, корыто, таз, тарелка*) – именно для них глубина оказывается функциональной¹³.

Таким образом, главным лингвистическим критерием определения глубины объекта является его функциональность, пригодность для использования. Этот критерий определяет и развитие оценочных метафорических значений: «... чем глубже объект, тем он больше, полнее и, следовательно, лучше. С другой стороны, чем глубже человек в него проникает, тем полнее, т. е. в большей мере (и, значит, опять-таки лучше) он его охватывает, использует»¹⁴.

Анализ языковых единиц оппозиции 'глубокий – поверхностный' показывает, что основная сфера, в которой происходит метафоризация оппозиции, – гносеологическая. Эту не поддающуюся непосредственному восприятию сферу человек интерпретирует и описывает через знаки более знакомой и понятной предметной области: «... нефизическое концептуализируется в терминах физического»¹⁵.

Процесс постижения человеком умственно воспринимаемой области действительности через более наглядное, понятное и важное для коллектива отражается в языке в символическом метафорическом значении слова, реализующемся, как правило, в сочетаемости данной конкретной лексемы с абстрактной (*глубокие знания, поверхностный ответ*)¹⁶. Так, компоненты оппозиции 'глубокий – поверхностный' становятся знаками, которые языковое сообщество наделяет особой функцией – оценивать явления более сложной и менее известной сферы, чем знакомый чувственно познаваемый мир. Символическое значение появляется не у любой изначально конкретной лексемы, а только у той, которая является значимой для

данного народа, которая наделена способностью «опредмечивать» определенное умопостигаемое явление в языке, которая содержит «вещные коннотации»¹⁷ – образные ассоциации, присущие этому умопостигаемому явлению в сознании носителей языка. Компоненты оппозиции ‘глубокий – поверхностный’, оценивая гносеологическую сферу, становятся символами: ‘глубокий’ – символом продуманности, тщательной интеллектуальной работы; ‘поверхностный’ – непродуманности, недостаточной интеллектуальной работы.

Символическое значение отражает так называемое «коллективное бессознательное» (К. Г. Юнг), имеющее универсальную природу, идентичную у всех индивидов, которое уже не осознается и наследуется носителями языка¹⁸. Символическое значение, как нам кажется, подкрепляет так называемую «инвариантную гипотезу» об устойчивости метафорического образа и реализации его во многих контекстах¹⁹.

Главной метафорой оппозиции ‘глубокий – поверхностный’, направляющей развитие оценочных значений, является метафора контейнера, емкости. Она, с одной стороны, связывает метафорическую картину оппозиции с прототипической ситуацией, в основе которой лежит форма объекта, с другой – показывает, какие «вещные коннотации» присущи явлениям гносеологической сферы.

Лексемы *глубокий, глубина, глубоко и поверхностный, поверхностность, поверхностно* образуют символические оценочные значения в сочетаниях с компонентами, обозначающими:

1) «результат мыслительной деятельности» (*мысль, суждение, идея, замысел, знание, содержание, смысл* и др.): *В качестве нормы западное школьное образование предлагает набор «политкорректных» экологических, политических и экономических идей, не отличающихся особенной глубиной.* «Знание – сила», 2003; *Трагедия любви меняет все превратные, поверхностные суждения об этой женщине.* Д. Гранин;

2) «продукт умственной и др. гносеологической деятельности» (*произведение, текст, статья, экскурс, работа, диссертация* и др.): *Это была любовь к артисту, в жизни которого случилось несколько настоящих больших ролей. Глубоких. Мощных.* «Домовой», 2002; *Просто необходимо спокойно и внимательно прочесть такую пьесу, попытаться войти в её мир, почувствовать её глубину.* «Известия», 2003; *Фильм – типичный новодел, поверхностный и сделанный на потребу невзыскательному зрителю.* Адмиралъ (2011);

3) «процесс мыслительной деятельности, переработки информации» (*проработка проблемы, анализ, понимание, порыв, понимание, подход* и др.): *В идеале консультанты R&C должны будут обладать необходимой ИТ-квалификацией в сочетании с глубоким пониманием бизнеса своей вертикали.* «Computerworld», 2004; *Описания природы у Тургенева она пропускала, находя их поверхностными.* А. Солженицын;

4) «субъект познавательной деятельности» (*натура, личность, психотерапевт* и др.): *В момент любого кризиса нужно стремиться к тому, чтобы ощутить индивидуальность своего пути, которого не знает никто – ни один психотерапевт, какой бы он ни был глубокий и знающий, ни один друг.* «Домовой», 2002; *Но Сталину казалось, что современники, хотя и называют его Мудрейшим из Мудрейших, – всё-таки не по заслугам мало восхищаются им; всё-таки в своих восторгах поверхностны и не оценили всей глубины его гениальности.* А. Солженицын;

5) «инструмент для переработки информации» (*ум*): *Глубокий ум Шамиля, быстро схватывавший суть сложных явлений, порой становился совершенно беспомощным перед лицом элементарных для России и Европы правил.* В. Дегоев; *Ум поверхностный и непрележный или ум, удаленный от науки, объяснит вам, что привыкание к очкам в том проявляется, что вынужденный к ношению их уже не берется за чтение или письмо, не вооружась вспомогательными симистеклами.* Ю. Даниэль²⁰.

Анализ представленной сочетаемости показывает, что результаты и продукты гносеологической деятельности мыслятся как некие емкости, и чем глубже они, тем больше всего знаний, информации и под. вмещают в себя, и это оценивается языковым сообществом положительно; если же они неглубокие, близки к поверхности, они мало могут вместить, и это плохо. По мнению исследователей, суждения или произведения представлены в языке как «сосуды, в которых, если они глубокие, “налито” нечто такое, что нельзя быстро понять, пользуясь только поверхностным знакомством с ним – но что надо “вычерпать” до дна»²¹.

Процесс познавательной деятельности предстает как погружение в глубокую емкость для получения гносеологической информации – и чем глубже это погружение, тем лучше.

Субъект познавательной деятельности является создателем результатов и продуктов гносеологической деятельности. Можно выделить два вида таких субъектов: 1) люди, способные/не способные глубоко понимать, познавать, перерабатывать поступающую информацию, проникать в суть вещей (*глубокая/поверхностная натура, глубокая/поверхностная личность, глубокий/поверхностный человек* и под.); 2) люди, создающие глубокие/неглубокие творения, произведения (*глубокий/поверхностный художник, глубокий/поверхностный артист, глубокий/поверхностный исследователь* и под.).

Еще одним важным компонентом, вступающим в сочетаемостные отношения с языковыми представителями оппозиции ‘глубокий – поверхностный’, является лексема *ум*. Она обозначает «невидимый орган переработки информации», «способность думать и понимать»²², а также акцентирует сам процесс думания, получения знания, переработки информации; поэтому *ум*

может характеризоваться с точки зрения скорости и способов восприятия нового²³. По мнению Е. В. Рахилиной, имя *ум* в русском языке имеет «активную» семантику и уподобляется инструменту интеллектуального исследования (ср. *понимать умом, острый ум* и др.), поэтому *глубокий ум* метонимически интерпретируется как «инструмент для глубокого проникновения в содержание дела», как сверло или бур, который не может шкалироваться, в отличие от интеллекта, обозначающего «способность человека познавать», именно этим объясняется, как считает ученый, разница в употреблении близких по смыслу слов *ум* и *интеллект* – допустимость *глубокий ум*, но не **глубокий интеллект* и, наоборот, *высокий интеллект*, но не **высокий ум*²⁴.

В русской языковой картине мира содержатся представления об уме как способном проникнуть вглубь и о глубине как мере ума²⁵. Ум характеризуют и другие параметрические прилагательные, например *острый*. Сопоставление сочетаний *глубокий ум* и *острый ум* показывает разную функциональную направленность этого органа мыслительной деятельности. *Острый ум* – это «такой, который хорошо выполняет свои когнитивные функции, как хорошо режет острый нож или острая пила, быстрый, хорошо реагирующий на информацию»: *В антракте за кулисы ко мне влетает второй режиссер с «Ленфильма» – человек живой, артистичный, с острым умом, легкий в общении, мгновенно ориентирующийся в любой обстановке.* Л. Гурченко. *Глубокий ум* – это «такой, который способен доходить до сути, вникать, анализировать – словом, выполнять сложные аналитические операции, т. е. доходить до dna воображаемого сосуда со знаниями, информацией»: *Под этой наружностью таится живая творческая сила, горячая, способная на самоотверженную привязанность души, а в глазах этих по временам ярко светится глубокий ум и тонкая наблюдательность.* А. Ф. Кони. *Поверхностный же ум* – это «такой, который не стремится проникнуть в глубину информации»: *Его высшая и конечная цель – блеснуть, и именно поэзией; но едва ли найдет она у него прочное основание, потому что он боится всякого серьезного учения, и его ум, не имея ни проницательности, ни глубины, совершенно поверхностный, французский ум.* В. П. Авенариус, но это не всегда оценивается сугубо отрицательно: *поверхностный ум* – показатель легкости, простого отношения к жизни, нежелания вникать в сложные вопросы: *Живой, поверхностный, игривый ум, скользкий по предметам, бойкая речь, меткие словечки, светские манеры, приятная готовность выполнить все, что угодно Его Величеству, угадывание, что именно угодно и что – нет, делали из Сухомлинова интересного и остроумного собеседника царя.* В. В. Шульгин. Не случайно *поверхностный ум* часто приписывают ветреным, любящим наслаждаться жизнью французам: *Пушкину никогда*

не удастся дать своим стихам прочную основу, так как он боится всяких серьезных занятий, и его ум, не имея ни проницательности, ни глубины, совершенно поверхностный, французский ум. А. Архангельский.

В метонимических сочетаниях *глубокие/поверхностные умы* представлена характеристика субъекта познавательной деятельности: *Но многие ученые биологи, эмбриологи, генетики (Р. Вирхов, К. Бэр, Г. Мендель, Л. Пастер, Л. С. Берг) и другие глубокие умы (Н. Данилевский, Л. Н. Толстой, О. Шпенглер) отрицали дарвинизм.* Дарвинизм: PRO и CONTRA (форум); *Только мелкие, поверхностные умы удовлетворяются бесплодным, все-разрушающим анализом и огульным отрицанием.* Л. И. Аксельрод (Ортодокс)²⁶.

Таким образом, оппозиция 'глубокий – поверхностный' вписывается в мировоззренческую сетку координат, состоящую из разных бинарных противоположностей: пространственных ('верх – низ', 'право – лево'), параметрических ('большой – маленький', 'широкий – узкий'), цветовых ('белый – черный', 'яркий – тусклый') и т. д., – которая помогает человеку ориентироваться в многообразном окружающем мире. Наблюдение за предметами и явлениями действительности, выделение их важных параметров и свойств позволяет человеку наделять их аксиологическими признаками и использовать в качестве оценочной шкалы при интерпретации умопостижимых сфер – эмоциональной, этической, гносеологической и т. п., наращая символические смыслы. Компоненты параметрической оппозиции 'глубокий – поверхностный', в основе метафорической картины которой лежит функциональность емкостной формы объекта, описывают гносеологическую сферу. Сочетаясь с лексемами, обозначающими «результаты», «продукты», «процесс», «субъектов» и «инструмент» познавательной деятельности, языковые единицы оппозиции помогают «оформить» умственно ощущаемую, зрительно не воспринимаемую сферу и передают устоявшиеся и уже не осознаваемые представления о явлениях гносеологической сферы как о неких емкостях, которые чем глубже, тем больше вмещают познавательной информации и тем ценнее они.

Примечания

- 1 См.: Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры : сб. М., 1990. С. 387–416.
- 2 См.: Руднев В. Энциклопедический словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. М., 2009. С. 48–49.
- 3 Иванов В., Топоров В. Исследования в области славянских древностей. М., 1974. С. 259.
- 4 Цивьян Т. Модель мира и ее лингвистические основы. М., 2005. С. 13.
- 5 См.: Рахилина Е. Когнитивный анализ предметных имен : семантика и сочетаемость. М., 2010. С. 144.
- 6 См.: Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.

- 7 См.: Рахилина Е. Указ. соч.
- 8 См.: Чернейко Л. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М., 2010.
- 9 Рахилина Е. Указ. соч. С. 12.
- 10 Моисеева С., Бубырева Ж. Прилагательные осязательного восприятия как объект номинации и синестетических переносов // Вестн. ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 2. С. 85.
- 11 См., например: Князев Ю. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М., 2007. С. 188.
- 12 См.: Кустова Г. Семантика тяжести // Семиотика и информатика : сб. науч. ст. Вып. 37. М., 2002. С. 116–147.
- 13 Рахилина Е. Указ. соч. С. 130.
- 14 Там же.
- 15 Лакофф Дж., Джонсон М. Указ. соч. С. 96.
- 16 Подробнее см.: Григорьева Т. Образное и символическое в семантике слова // Вестн. Башкир. ун-та. 2012. Т. 17, № 4. С. 1842–1846.
- 17 Успенский В. О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика : сб. науч. ст. Вып. 35. М., 1997. С. 147.
- 18 См.: Юнг К. Г. Аналитическая психология. Прошлое и настоящее. М., 1995. С. 176.
- 19 См.: Рахилина Е. Указ. соч. С. 374.
- 20 Примеры из: Национальный корпус русского языка URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 21.01.2015).
- 21 Рахилина Е. Указ. соч. С. 147.
- 22 Урысон Е. Ум, разум, рассудок, интеллект // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд. / под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М.; Вена, 2004. С. 1203–1206.
- 23 См.: Урысон Е. Проблемы исследования языковой картины мира : Аналогия в семантике. М., 2003. С. 27.
- 24 См.: Рахилина Е. Указ. соч. С. 148.
- 25 См.: Леонтьева Т. Интеллект человека в русской языковой картине мира. М., 2014. С. 188.
- 26 Примеры из: Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 21.01.2015).

УДК 821.161.1.09–31+929Газданов

АЛЛЮЗИВНЫЙ ФОН СМЫСЛОВЫХ ТЕКСТОВЫХ ПАРАДИГМ В РОМАНЕ Г. И. ГАЗДАНОВА «ВОЗВРАЩЕНИЕ БУДДЫ»

А. А. Кухтенкова

Новосибирский государственный педагогический университет
E-mail: kuhtenkovaanastasiya@mail.ru

В статье на примере романа Г. И. Газданова «Возвращение Будды» описаны текстовые функции ключевых аллюзий, связанных с буддийской философией, которые поддерживаются выдвиганием смысловых межсловных текстовых парадигм (по типу синонимов, антонимов, родо-видовых объединений, перифраз, ассоциативно-тематических сближений).

Ключевые слова: аллюзии, лексико-семантические и текстовые парадигмы, рематическая доминанта текста, прагмема.

Allusive Background of the Text Paradigms of Meaning in the Novel «Budda's Return» by G. I. Gazdanov

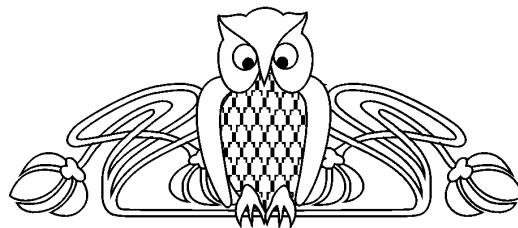
A. A. Kukhtenkova

The article describes textual functions of the key allusions to the Buddhist philosophy on the example of the novel «Budda's Return» by G. I. Gazdanov. These allusions are enhanced by foregrounding interword textual paradigms of meaning (like synonyms, antonyms, species and genus combinations, periphrases, associative and thematic convergence).

Key words: allusions, lexical, semantic and textual paradigms; rhematic focus of the text, pragmeme.

DOI: 10.18500/1817-7115-2015-15-3-28-32

В статье анализируется участие смысловых текстовых парадигм в экспликации аллюзивных образов в романе Г. И. Газданова «Возвращение Будды», в первую очередь, связанных с заглави-

ем, актуализирующим две взаимообусловленные *рематические доминанты* текста¹ – динамическую и статальную. Текстовая *рематическая доминанта* выражается «словами, несущими на себе логическое ударение в пределах текстовых фрагментов разного типового содержания»². Рематические доминанты данного текста соотносятся с прямыми и переносными значениями компонентов его заглавия.

Аллюзия (от лат. *allusio*) – «стилистический прием; употребление в речи или в художественном произведении ходового выражения в качестве намека на хорошо известный факт, исторический или бытовой»³. Аллюзия – это одно из средств выражения интертекстовых смыслов (наряду с цитацией, реминисценцией).

Смысловые текстовые парадигмы формируются на основе употребления единиц лексико-семантических парадигм, т. е. «замкнутых групп слов, значения которых связаны между собой по определенному числу однозначных противопоставлений»⁴. Понятие «лексико-семантическая парадигма» соответствует пониманию словарного состава как упорядоченного уровня языка, включающего: «1) микропарадигмы, т. е. семантические структуры многозначных слов, 2) парадигмы слов и лексико-семантических вариантов, а именно: синонимы, антонимы, тематические и лексико-семантические группы»⁵. Самое широкое лексико-семантическое объединение среди пара-